

ТНА АКИМОВНА, покачиваясь, сидит на кровати. На лице ее привычное терпеливое ожидание. Печка истоплена. Если открыть крышку кастрюли, по комнате разнесется сытный запах мяса. В комнате чисто, уютно, — во всем чувствуется заботливая рука хозяйки.

Так хочется Тне Акимовне, чтобы кто-нибудь сейчас захрустел молоденьким снежком под окнами, заскрипел половицами в сенцах, открыл дверь, впуская в комнату клубы морозного воздуха.

Солнце ложится на подоконник, над аккуратно застеленной кроватью. Самое время придти на обед Петру, лобастому черноглазому крепышу. Сейчас войдет, весь окутанный морозом, тут же у порога бросит промасленную теплогрейку, и тотчас остро запахнет бензином.

— Корми скорей, мамка, голодный, как волк!

Да сунет под умывальник свои вечно черные руки. Так и не отмыв их, сядет за стол, по-хозяйски, шумно. Никогда не потерпит, чтобы остыло. Все скорей и скорей. Обжигаясь и обдувая горячие куски мяса, будет рассказывать, как у них идут дела в гараже, кто стоит и почему, непременно помянет своего закадычного друга Генку Беккерова. Вместе с ним они учились на курсах шоферов, организованных военкоматом, а еще раньше — в Елизове осваивали профессию тракториста.

Все казалось Тне Акимовне;

ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ, ДРУЗЬЯ - ОДНОПОЛЧАНЕ?

мал еще Петенька, давно ли постреленком был, а в последний год вымахал повыше отца, в дом входит нагибается, чтобы о притолоку головой не садануть. Давно ли из одной отцовской рубахи умудрялась она шить две сыновние, а теперь и отцова одежда ему впору стала.

Напрасно сегодня ждет мать своего Петра. Веселые армейские проводы все еще стоят в ее глазах. Служи, сынок, честно, не позорь старого оленеводческого рода Авиновых, набирайся сил и здоровья, да возвращайся домой — будешь отцу подмогой.

Не скрипит сегодня снег под окном. Когда Петр дома был, от парней и девчат светло становилось в комнате. Только и слышишь за стеной хруст торопливых шагов.

Да и самого хозяина не дождется нынче Тна Акимовна. Ее Коватта на один день в тундру не ходит. Позавчера утром, как пекрестало пуржить, вышел на улицу, внимательно оглядел восток, снег помял в руках, вернулся довольный.

— Собери-ка меня, жена, надеюсь на большую удачу, по свежему снегу хорошо следы читать, да и наст крепко держит...

Опоясал себя патронташем, теп-

ло оделся, стал на широкие модельные лыжи, подбитые войлоком, и ушел за околицу, спину под грузным мешком. Теперь недели на две пропадет, иначе.

Уходит Коватта в тундру

рый и молчаливый, а приходит уставший от одиночества и работы, охочий до досужего разговора, из него, словно лавина, катятся слова, а она, его жена, слушает и не перебивает, и ей радостно, что он здорово наскучался.

Он высыпит к ногам жены целый ворох пушнины и, выбирая из них то одну, то другую шкурку, будет вспоминать, в каком месте он подстерег зверька. А с удачной охоты, почему бы и стопочку не пропустить. Совсем раздобреет Коватта.

А если к этому времени кто-нибудь из соседей и друзей Коватты в гости заглянет, тогда ни-почем не удержат мужа от рассказов о прошлом. Ползет тогда Коватта под кровать, достанет заветный сундучок и высыпит на стол горку писем и фотографий. Дрожащими от волнения руками будет перебирать пожелтевшие листы, вглядываться в лица фронтовых друзей. И говорить будет все трудней и трудней.

Однажды она видела, как жадно потянулся Коватта к репродуктору, когда оттуда звенели бодрые военные песни, как он распрямил плечи и построил лицом, а потом, когда кончилась передача, тихо и печально спросил:

— Где же вы теперь, друзья-од-

нополчане, боевые спутники мои?..

Кого спрашивает Коватта и кто ответит ему? Все дальше и дальше уходят события, пахнущие гарью и порохом войны. Если бы Тна Акимовна знала адреса фронтовых друзей ее мужа, если бы знала! Она бы тогда излечила Коватту от грусти по потерянным друзьям.

Нет, не только Коватта любит перебирать свидетельства своего боевого прошлого. Когда муж пропадает в тундре, сама Тна Акимовна нет-нет да и заглядывает в заветный сундучок, развернет по очереди все бумажки, всмотрится во все фотографии.

Вот красная книжца военного билета Коватты Авинова, в которой обозначено, что ее владелец был призван на действительную в 1943 году и участвовал в войне с Японией, обозначена его специальность и звание — пулеметчик. Тна Акимовна плохо понимает, что это такое за оружие, но сам Коватта говорит о пулемете с большим уважением.

Тна Акимовна несколько не удивляется, что ее Коватте было поручено такое важное военное дело. На глаз-то он и сейчас не жалуется — бьет зверя и птицу без промаха.

Познакомилась она с Коваттой

уже после войны. Не снимал он тогда гимнастерку и шинель. И был подтянутый, молодцеватый, чернобровый, как и на этой фотографии, где на нем ефрейторские погоны, и он в обнимку с добродушным курносым увальнем, сибиряком Сашей Пашинным. У обоих грудь колесом, и поблескивают новенькие медалики «За победу над Японией», словно белозубая улыбка сибиряка. А на обороте фотографии подпись: «На память другу по службе».

А с этой карточкой улыбается Тне Акимовне другой русский паренек — астраханец Егоров, балагур и шутник — по отзывам Коватты. А на той фотографии — еще одна группа солдат в обнимку. И снова улыбки. Тна Акимовна спокойна за улыбки фронтовых друзей мужа, ведь этим ребятам суждено было принести свои улыбки домой к матерям, женам и невестам. Позади была вся война: и германская и японская, а впереди — приволье мирной жизни!

Эти бесечно смеющиеся солдаты штурмовали с моря нашенский остров Шумшу, переименованный японцами в Симуцу. Когда вспоминает эту атаку Коватта, глаза его загораются, он невольно горячится и размахивает руками:

— Спрыгиваем с катера в воду, пулемет на руки, громовое «ура!» в тысячи глоток, и я кричу, а сзади подхватывают, подпирают свои, некогда лежать! «Вперед! За Родину!»...

Тна Акимовна всегда заново переживает его восклицания — такое она видела только в кино, и не верится, что ее тихий и смирный Коватта когда-то был грозой для врагов.

Остров был со всех сторон закрыт дотами, в камень и под землю была упрятана жизнь японского гарнизона, и однако не прошло и часа с начала штурма, как японцы выкинули белый флаг. Столь же коротким и победоносным был бой с врагом и на острове Мацуева. Поэтому так открыты и щедры на улыбки фронтовые друзья Коватты.

— Где же вы теперь, друзья-однопольчане, — шепчет иногда Коватта, внезапно задумавшись: среди любого дела — мастерит ли сани, шкурки ли распавляет на дощечках, ружье ли чистит, — и забудет обо всем на свете, нацелившись взглядом куда-то далеко-далеко, куда никогда не долетят мыслями Тны Акимовны. Он шепчет совсем неслышно, для себя, не думая, что его шепот уловит жена.

Коватте представляется, как закадычный дружок Саша Пашин в гости к нему приехал. И он, Коватта, водит его по родному селу и хвалится его красотой, к которой имеет самое прямое отно-

шение. Смотрит, Саша, этот клуб делал я в первый год, как вернулся с войны. Обучал меня плотничать тоже большой друг Александр Качкуркин. А на этой улице нет ни одного дома, где бы ни стучал мой топорик. В эту ферму брусся положены моей рукой. А это овощехранилище тоже построено не без моего участия. Словом, куда ты ни посмотришь, дорогой друг, везде ты увидишь, что плотник Авинов оставит добрый след на земле отцов и дедов.

Не дает покоя Коватте эта мысль. Собираясь в тундру, увязывая боеприпасы и продукты, не утерпел Коватта и поделился с женой своей думкой:

— Хочу разыскать Сашу, напишу в Сибирь — откликнись, боевой товарищ!

— Да, Сибирь-то, говорят, побольше Камчатки. Надо знать из какого он села или города, — попробовала образумить мужа Тна Акимовна.

— Был он из Краснояр-ка, да я во все сибирские города чап-шу, не поленюсь, по военкоматам его пошщу, — стал на своем Коватта и упрямо сдвинул брови. А если на лице мужа появлялся это выражение недовольного упрямства, Тна Акимовна знала, быть тому, что он задумал.

Г. КИСЕЛЕВ.

НА СНИМКЕ: депутат сельского Совета, рабочий совхоза «Тигильский» Коватта Отапович Авинов.

Фото автора.